

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, с его основной темой «равноправности народов»,¹¹ в третьей части, посвященной прославлению Русской земли и ее князей от «старого Игоря» до Ярослава Владимировича, представляет подлинный образец гражданской лирики. Особого патриотического подъема достигает изложение, когда речь идет о заслугах Владимира Святославича, и здесь авторская речь становится глубоко эмоциональной, некоторые эпизоды могут быть выделены особой пластичностью выражения. Таково прежде всего начало третьей части, где Иларион с нескрываемой гордостью говорит о Русской земле и ее мировой славе: «Хвалит же и похвальными гласы римьская страна Петра и Павла... Асия и Ефес, Патъм Иоанна Богослова, Индиа Фому, Египет Марка — вся страны, гради и людие чтут и славят коегождо их учителя, иже научиша православней вере. Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами великая и дивная сътворшаго, нашего учителя и наставника, великаго кагана наша земля Владимире, внука старого Игоря, сына же славнаго Святослава, иже в своя лета владычествующа, мужьством же и храбрьством прослуша в странах многих и поминаются ныне и словут. Не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в руской, яже ведомо и слышима есть всеми конци земля». Прославление героя через его предков сближает в данном случае Владимира-просветителя с русскими князьями, «мужеством и храбрьством» завоевавшими себе «славу» «в странах многих». Продолжатель славных дел своего деда князя Игоря и отца — Святослава, Владимир в представлении Илариона живет и в делах своего сына Ярослава. Обращаясь к Владимиру, Иларион призывает его: «Встани, о честнаа главо, от гроба твоего, встани, отряси сон... возведи очи, да видиши, какая тя чьсти господь тамо сподобив и на земли не безпамятна оставил сыном твоим... Виджь же и град величьем сияющу». Георгий-Ярослав «добр зело послух» Владимира, обращаясь к которому, Иларион называет Ярослава «наместника по тебе твоему владычеству, не рушаща твой устав, но утверждающа, ни умаляюща твоему благоверию положенья, но паче прилагающа, не казяща, но учиняюща, иже недокончаная твоя накончаваея».¹²

Иларион положил начало традиции прославления исторического деятеля через его предков. Пройдя через летописные панегирики — некрологи князей и агиографические «хвалословия» XII—XVI вв., этот способ был воспринят русскими и украинскими виршевыми панегириками XVII в., прямыми предшественниками уже и по стихотворной форме классицистической оды XVIII в. Симеон Полоцкий в своих «Приветствах» славит молодого царя Федора как наследника «пресветлого царя» — отца, Алексея Михайловича.

Концепция оратора-публициста XI в., современника Ярослава, которого он прославляет не самого по себе, а как продолжателя дел его отца — Владимира, в свою очередь славного и памятью о делах его деда Игоря и отца Святослава, не может не напомнить оды Ломоносова, посвященные дочери Петра I императрице Елизавете Петровне. Подобно тому как Иларион оценивал деятельность Ярослава Мудрого в свете воспоминаний о просветителе Владимире I, и Ломоносов славит Елизавету Петровну как «дщерь Петрову», как продолжательницу «дел Петровых», которая

¹¹ Д. С. Лихачев. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк). — В кн.: Повесть временных лет, часть вторая. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 66.

¹² Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, выпуск первый. СПб., 1894, стр. 69—70, 74—75.